

УДК 821.161.1

Б. В. Орехов**«DAS SIEGESFEST»: ТЮТЧЕВ, ЖУКОВСКИЙ И ШИЛЛЕР
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЫ
КОНЦА 1840-Х ГОДОВ**

В статье на основе биографических сведений и анализа поэтики стихотворения «Поминки» (перевод из Шиллера) делается вывод о том, что обращение Тютчева в 1850-х годах к переводу (само по себе нетипичное) инспирировано двумя событиями: переводом «Одиссеи» Жуковским и цензурным запретом Шиллера в России.

Ключевые слова: Жуковский, Тютчев, поэтический перевод, цензура, Шиллер.

Уникальность перевода стихотворения Шиллера «Das Siegesfest» («Победное празднество», у Тютчева – «Поминки») в творчестве Тютчева вытекает из двух положений:

1. Во второй половине творческого пути («3-й период» по Ю. М. Лотману) [12, с. 272] Тютчев всё реже обращается к переводам. Общий объём переводческого наследия Тютчева – 45 произведений (примерно девятая часть всего корпуса поэтических текстов). Из них абсолютное большинство – тридцать пять – приходится на 1820–1830-е годы (ещё один перевод осуществлён Тютчевым в 1818 году). И только девять уместаются в хронологический промежуток 1850–1870-е годы (в 1840-х Тютчев не переводит и вообще почти не пишет стихов). И это при ощутимо лучшей сохранности документов и текстов в 1850–1860-х гг. Известно, что в 1830-х Тютчев перевёл всю вторую часть «Фауста», которую, по собственному признанию, сжёг. Таким образом, «удельный вес», значимость для Тютчева каждого перевода в 1850-е гг. (из общего числа шести) существенно возрастает и заставляет каждый раз отдельно рассматривать вопрос о мотивах поэта, принявшего решение воспроизвести тот или иной текст на русском языке. Существенным подспорьем в этом может стать контекстуальный анализ, успешно применённый к тютчевскому материалу Р. Г. Лейбовым [10].

Одним из этих шести переводов, созданных Тютчевым после длительного периода творческого «затишья» в 1840-х годах, был перевод «Das Siegesfest». Сразу следует обратить внимание, что всего Тютчев пе-

Орехов Борис Валерьевич — кандидат филологических наук (НИУ ВШЭ (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), Москва, Россия);
e-mail: nevmenandr@gmail.com.

© Орехов Б. В., 2016

реводит пять стихотворений Шиллера и из них три (ровно половина переведенного в это время и большая часть переводов из Шиллера вообще) именно в 1850-е годы: «Поминки», «С временщиков фортуна в ссоре...», «С озера веет прохлада и нега...». Определённое влияние Шиллера Тютчев испытывал на протяжении всей жизни: можно отметить переклички стихотворения «Фонтан» (первая половина 1830-х) с прозаическим отрывком Шиллера «Der Geisterseher» и стихотворение «Колумб» как вариацию на тему завершающего пассажа текста «Columbus» (1844). И так, несмотря на то, что Шиллер воспринимался, в основном, как «поэт юношества», Тютчев определённо находился под впечатлением от него и в зрелые годы. «Едва ли не все русские поэты, прозаики и критики разных направлений, родившиеся в десятых годах XIX века, пережили в юности свой «шиллеровский период» (как определил это состояние А. Герцен в первой части «Былого и дум»). Это относится, помимо Герцена, к Н. П. Огареву и И. С. Тургеневу, к Ф. И. Тютчеву...» [4, с. 9–10]. Здесь необходимо сделать оговорку, что, во-первых Тютчев родился не в десятых годах XIX века, а в 1803 г., и, во-вторых, его «юношеский» «шиллеровский период» длился с 1822 (перевод «Гектор и Андромаха») по 1857 (перевод «С временщиком фортуна в ссоре»).

Напротив, к другим часто переводимым Тютчевым авторам поэт обращается именно в 1820–1830-е гг. Из десяти переводов и переложений Гейне только один текст создан в 1868–1869 гг.: «Мотив Гейне», вариация на тему «Путевых картин». Из пятнадцати переводов Гёте лишь два сделаны после 1830-х годов: «Ты знаешь край, где мирт и лавр растёт...» (не позднее 1851 г.) и «Радость и горе в живом упоенье...» (февраль 1870 г.). Это ещё более подчёркивает значимость обращения Тютчева-переводчика к Шиллеру в начале 1850-х годов.

2. Датировка «Поминок» условна, но все четыре даты указывают на самый конец 1840-х – начало 1850-х гг., что позволяет нам сделать вывод об особой значимости этого периода в истории рецепции античности у Тютчева. «Поминки» не могли быть написаны позднее февраля 1851 года, т. к. 24 февраля 1851 года датировано цензурное разрешение на выпуск литературного сборника «Раут», где состоялась первая публикация перевода [11]. Это всё же не мешает отнести создание текста и к несколько более раннему времени: к 1850 или даже 1849 году. Обычно текстологи максимально приближают дату создания текста к моменту публикации, основываясь на предваряющих печатный вариант стихотворения словах Н. В. Сушкова о том, что это «новый перевод» песни Шиллера. Однако, как нам представляется, слово «новый» в данном контексте следует понимать не только и даже не столько в смысле абсолютной хронологии (то есть ‘недавний’, ‘созданный в последнее время’), сколько в относительном плане времени. Имеется в виду, что перевод Тютчева более новый по сравнению с аналогичной работой В. А. Жуковского, уже переведившего «Das Siegesfest» за двадцать лет до этого: «Торжество победителей» (1829).

Беглый лингвистический анализ показывает, что перевод Жуковского гораздо архаичнее по языку, чем тютчевский. Во-первых, в переводе 1828 года гораздо больше причастий (28 против 12 у Тютчева — почти в два раза). Причастия были свойственны церковнославянскому языку и практически отсутствовали в русском разговорном, вследствие чего позже даже состоялась дискуссия об их включении в национальный литературный язык [5, с. 438]. Во-вторых, в «Торжестве победителей» обнаруживается передача греческого имени «Посидон» в соответствии с рейхлиновым чтением греческого текста — при эразмовом «Посейдон» у Тютчева. В русской культуре рейхлинова традиция ощутимо архаична (например, Омир, вивлиофика). В-третьих, текст Жуковского изобилует усечёнными прилагательными и причастиями: «Будем вечны именами», «Слава дней твоих нетленна», «И победой насыщены» и т. д. Два других перевода (А. Мансурова в 1823 г. и М. Писарева в 1828) сделаны ещё раньше перевода Жуковского и имеют ещё больше черт архаизации.

Таким образом, к 1851 году перевод Жуковского уже не отвечал современному состоянию литературного языка и, вполне естественно, воспринимался как архаичный, а тютчевский текст по сравнению с ним был «новым» независимо от времени, прошедшего от момента написания до публикации.

Итак, «Das Siegesfest» переводится Тютчевым в конце 1840-х — 1850-м году, то есть, по всей видимости, одновременно с созданием таких стихотворений, как «Кончен пир, умолкли хоры...», «Два голоса» и «Рим ночью», в которых античная тема творчества поэта становится центральной. Это момент особой актуализации античной темы в сознании Тютчева.

Стихотворение Шиллера само строится на античных образах. Однако вызывает недоумение повторяемый из издания в издание комментарий к этому переводу: «Хоровая песнь Шиллера «Das Siegesfest» написана на сюжет «Илиады» Гомера» [13, с. 381]. «Хоровая песнь Шиллера была написана на сюжет «Илиады» и связана с темой возвращения воинов греческого племени ахейцев на родину после длившейся около десяти лет и завершившейся для них победой осады Трои» [8, с. 367—368] и т. д. Эти комментарии не соответствуют действительности. Как видно уже из самого названия, в стихотворении речь идет о победе ахейцев и их праздновании взятия Трои. Но ничего подобного в «Илиаде» нет. В сюжетном отношении «Das Siegesfest» гораздо ближе стоит к «Одиссее» и отчасти к «Энеиде», чем к весьма далекой от этого стихотворения «Илиаде». Точкой отсчёта для обоих произведений служит момент гибели и разграбления Илиона, который в «Илиаде» непредставим.

Первая строфа «Das Siegesfest» является вариацией на тему эпизода в III песне «Одиссеи»: Und die Griechen, siegestrunken, / Reich beladen mit dem Raub, / Saßen auf den hohen Schiffen, / Längs des Hellespontos Strand, / Auf der frohen Fahrt begriffen / Nach dem schönen Griechenland 'И греки, пьяны победой, нагружены обильной

добычей, вдоль берегов Геллеспонта отправились в радостный путь в прекрасную Грецию'. Ср.:

(Взяв и добычу и дев, глубоко опоясанных) вышли.
Но половина другая ахеян осталась на бреге
Вместе с царем Агамемноном, пастырем многих народов.
Дали мы ход кораблям, и они по волнам побежали
Быстро: под ними углаживал бог многоводное море.

(Od., III 154 – 158, здесь и далее в переводе В. А. Жуковского)

В «Das Siegesfest» содержится множество намёков на возвращение героев в Грецию и на то, что их там ожидает. О возвращении ахейцев из-под Трои рассказывается в III песне «Одиссеи», после того как Телемак встречает Нестора, приносящего жертву Посейдону (Od. III 186 – 328). Так, слова Одиссея о вероятной гибели не на поле боя, а у домашнего алтаря имеют в виду широко известный финал судьбы Агамемнона:

Alle nicht, die wieder kehren,
Mögen sich des Heimzugs freun,
An den häuslichen Altären
Kann der Mord bereitet sein.
Mancher fiel durch Freundestücke,
Den die blut'ge Schlacht verfehlt!
Sprach's Ulyß mit Warnungsblicke,
Von Athenens Geist beseelt.

Не все, кто вернутся, будут рады своему возвращению: и на домашнем алтаре может готовиться убийство. Кое-кто погиб из-за козней друзей, хотя и выжил (до того) в битве. Так по вдохновению Афины говорил Улисс, грозно (букв. «предупреждающе») глядя'. Ср.:

Я ж согласился б скорее и бедствия встретить, чтоб только
Сладостный день возвращенья увидеть, чем, бедствий избегнув,
В дом возвратиться, чтоб пасть пред своим очагом, как великий
Пал Агамемнон предательством хитрой жены и Эгиста.

О трагической судьбе Агамемнона в «Одиссее» вспоминают в III, 193 – 200; IV, 521 – 537; XI, 387 – 434. Разумеется, сюжет о гибели у домашнего очага уцелевшего в бою воина (прежде всего, Агамемнона) полностью отсутствует в «Илиаде», зато имеет особую значимость для «Одиссеи», всецело построенной вокруг темы послевоенного возвращения.

Определяющая для последующих стихов оппозиция верной и неверной жены является одной из концептуальных оппозиций «Одиссеи», в которой Пенелопа последовательно противопоставляется Клитемнестре.

Снова обретший Елену Менелай (Und des frisch erkämpften Weibes / Freut sich der Atrid und strickt / Um den Reiz des schönen Leibes / Seine

Arme hochbeglückt 'и, радуясь только что вновь завоёванной жене, счастливый Атрид обвивает руками её прекрасный стан') описывается в IV песне «Одиссеи» (Od. IV, 1–624). О судьбе Неоптолема (Dem Erzeuger jetzt, dem großen, / Gießt Neoptolem des Weins 'родителю, великому совершает возлияние вином Неоптолем') повествуется в XI песне «Одиссеи» (506–537).

Таким образом, сопоставление в сюжетном смысле стихотворения «Das Siegesfest» с «Илиадой» выглядит неоправданным. Зато «Одиссея» предстаёт весьма уместным текстуальным источником.

В связи с этим не выглядит фантастическим предположение, что обращение Тютчева к «Das Siegesfest» инспирировано законченным и опубликованным примерно тогда же (1849) переводом на русский язык близкой по тематике к «Das Siegesfest» «Одиссеи». Эта монументальная переводческая работа В. А. Жуковского должна была напомнить Тютчеву о «Торжестве победителей» – переводе «Das Siegesfest», выполненном тем же В. А. Жуковским двадцатью годами ранее.

Известно, что Тютчев ознакомился с текстом «Одиссеи» В. А. Жуковского до публикации. Более того, он проявляет серьёзный интерес к этой работе ещё до её окончания. В письме А. С. Хомякову от 12/24 сентября 1847 г. Жуковский сообщает о Тютчеве: «Он приехал в Эмс нарочно для меня и для Одиссеи, прожил там до моего отъезда, заставил меня прочесть ему всю Одиссею» [1, с. 439]. Действительно, осуществляя курьерскую экспедицию в Германию летом 1847 года, Тютчев специально заезжает к Жуковскому в Эмс, чтобы ознакомиться с переведёнными к тому времени частями поэмы Гомера. Позже Жуковский с большой теплотой вспоминал об этом опыте общения с Тютчевым: ««Мне кажется, что моя Одиссея есть лучшее мое создание: ее оставляю на память обо мне отечеству». Труд был совершен с полным самоотвержением, для одной прелести труда; только не с кем было поделиться «своим поэтическим праздником»: лишь гипсовый бюст Гомера был немым свидетелем. «Бывало, однако, и для меня раздолье, когда со мною жил Гоголь: он подливал в мой огонек свое свежее масло; и еще когда я пожил в Эмсе с Хомяковым и моим милым Тютчевым: тут я сам полакомился вместе с ними своим стряпаньем»» [1, с. 442]. Академик А. Н. Веселовский замечает: «Любопытно было бы знать, как приглянулся тогда перевод Одиссеи Хомякову и Тютчеву» [1, с. 439]. На сегодняшний день мнение Тютчева о переводе Жуковского нам известно. В письме жене от 17/29 августа 1847 года Тютчев пишет: «J'ai passé de bien moments avec Joukoffsky à Ems d'abord où nous avons passé six jours ensemble à lire son Odyssée et à parler de toute chose au monde, du matin au soir... Ce sera vraiment une grande et belle œuvre que son Odyssée et je lui ai dû d'avoir retrouver en moi la faculté assoupie depuis bien longtemps, celle de m'associer pleinement et franchement à une jouissance purement littéraire. Aussi a-t-il paru très satisfait de la sympathie que son œuvre m'a fait

éprouver — et il avait raison, car c'était sympathie sans phrases». [15, с. 428]. Перевод: «Я очень приятно провел время с Жуковским сначала в Эмсе, где мы жили шесть дней, занимаясь чтением его «Одиссеи» и с утра до вечера болтая о всевозможных вещах. Его Одиссея будет, действительно, величественным и прекрасным творением, и ему я обязан тем, что вновь обрел давно уже уснувшую во мне способность полного и искреннего приобщения к чисто литературному наслаждению. Он тоже казался весьма удовлетворенным тем сочувствием, которое вызвал во мне его труд, — и он был прав, ибо сочувствие мое было искренно».

Итак, чтение «Одиссеи» возвращает Тютчеву чисто литературное наслаждение (*jouissance purement littéraire*), которое в нём довольно долго дремало (*assoupie depuis bien longtemps*).

Действительно, поэтическая активность Тютчева в 1840-е годы необычайно низка. Как пишет В. В. Кожин, «с 1840 по 1848 год Тютчев написал всего восемь стихотворений, притом большую часть из них составляли своего рода политические стихи, непосредственно примыкавшие к статьям (послания Ганке, Мицкевичу, Варнгагену фон Энзе, «Море и утёс» и др.). Решительный перелом наступает летом 1849 года (Тютчев написал тогда двенадцать стихотворений, а в следующем году — девятнадцать; для него это очень много)» [7, с. 306]. То есть к тому моменту, когда Тютчев говорит об уснувшей способности получать литературное наслаждение, «прошло уже три года с тех пор, как Тютчев написал последние поэтические строки» [7, с. 306].

Основываясь на личном признании и хронологически соотнесённых фактах, мы склонны связывать возвращение Тютчева к активной поэтической деятельности с его впечатлением от «Одиссеи» Жуковского: одновременно с выходом в свет полного издания этого перевода (1849) в творчестве Тютчева начинается новый подъём. Перевод из Шиллера в этом контексте мог стать своеобразной «пробой пера», апробацией сил в форме поэтического состязания с В. А. Жуковским.

Прецедент такого состязания уже имел место в рассматриваемый нами период. В сентябре 1848 года «Тютчев, П. А. Вяземский и П. А. Плетнев знакомятся с недавно полученным стихотворением В. А. Жуковского «К русскому великану». Находят неудачным последнее четверостишие <...> Тютчев приносит П. А. Вяземскому и П. А. Плетневу девятистишие «Стой же ты, утес могучий...». Кроме того, он предлагает свою редакцию строк стихотворения Жуковского:

И летучие их брызги
О гранит твой разразит.

Все трое решают печатать стихотворение Жуковского с правкой Тютчева» [11, с. 80–81]. Таким образом, Тютчев уже в 1848 году предпринимает поэтическое состязание с Жуковским, «улучшая» его текст и создавая своеобразное продолжение-перекличку [6]. Как мы уже указы-

вали, текстологические аргументы не мешают отнести перевод «Das Siegesfest» ни к 1849, ни к 1848 году.

Известно, что в конце 1840-х годов Тютчев занят осмыслением политической ситуации, складывающейся в Европе. В это время он создаёт свои главные политические статьи и делает наброски для незаконченного трактата «Россия и Запад». Изложенные в публицистической форме размышления были инспирированы революционными волнениями 1848 года: 12 января начинается революция в Италии, 22 февраля — во Франции, 27 февраля — в Германии, 13 и 15 марта — в Австрии и Венгрии. Тютчев относится к революции резко негативно. В первом же абзаце продиктованной 12 апреля статьи «La Russie et la Revolution» подчёркивается, что этот текст являет собой попытку разобраться в сложившейся ситуации: «Pour comprendre de quoi il s'agit dans la crise suprême où l'Europe vient d'entrer, voici ce qu'il faudrait se dire. Depuis longtemps il n'y a plus en Europe que deux puissances réelles: «la Révolution et la Russie». — Ces deux puissances sont maintenant en présence, et demain peut-être elles seront aux prises. Entre l'une et l'autre il n'y a ni traité, ni transaction possibles. La vie de l'une est la mort de l'autre. De l'issue de la lutte engagée entre elles, la plus grande des luttes dont le monde ait été témoin, dépend pour des siècles tout l'avenir politique et religieux de l'humanité [16, с. 42]. Перевод: «Для уяснения сущности огромного потрясения, охватившего ныне Европу, вот что следовало бы себе сказать. Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества».

В контексте этих интенсивных размышлений Тютчева на политические темы европейского масштаба перевод Жуковским «Одиссеи» приобретает совершенно особый статус. Политический смысл перевода «Одиссеи» как своего рода явленного в слове эталона естественного консерватизма в эпоху общественных катаклизмов был обозначен уже Н. В. Гоголем: «Именно в нынешнее время, когда таинственною волей провидения стал слышаться повсюду болезненный ропот неудовлетворения, голос неудовольствия человеческого на всё, что ни есть на свете: на порядок вещей, на время, на самого себя.<...> в это именно время «Одиссея» поразит величавою патриархальностию древнего быта, простой несложностью общественных пружин, свежестью жизни, непритупленной, младенческою ясностью человека. В «Одиссее» услышит сильный упрек себе наш девятнадцатый век, и упрекам не будет конца, по мере того как станет он поболее всматриваться в нее и вчитываться» [3, с. 209].

Свидетельство Гоголя тем более ценно, что Гоголь, как мы уже знаем из приведённой выше цитаты, был особенно близок Жуковскому во время

работы последнего над воссозданием на русском языке поэмы Гомера. Видимо, таким же образом воспринимал работу над «Одиссеей» и Тютчев, наряду с Гоголем и Хомяковым посещавший Жуковского в Германии. Илья Виноцкий постулирует, что «перевод живым классиком, «духовным отцом русских поэтов» и убежденным консерватором Жуковским «идеальной» «Одиссеей» был культурным и политическим заказом времени. «Одиссея» Жуковского ожидалась сочувственниками поэта как воплощение политической и поэтической патриархальности, величественного спокойствия и нерушимого баланса между личными стремлениями человека и высшей волею, свободой и необходимостью, романтизмом и классицизмом, поэзией и прозой» [2, с. 172]. Одним из таких «сочувственников» был, по всей видимости, и убеждённый консерватор Тютчев.

Особенно острым аргументом в противостоянии консерватизма и революционности перевод «Одиссеей» становится ко времени своего окончания, когда по Европе прокатывается волна резких насильственных преобразований, когда кажется, что «Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре» [16, с. 157]. (*L'Occident s'en va, tout croule, tout s'abîme dans une conflagration générale*). «Появление «успокоительно-изящной» (выражение Погодина) «Одиссеей» в кровавый 1849 год» воспринимается современниками «как символическое веление судьбы» [2, с. 179].

Примерно тогда же, когда Жуковский заканчивает и публикует «Одиссею», Тютчев принимается за перевод «Das Siegesfest», а с учётом всех приведённых выше косвенных свидетельств довольно трудно утверждать, что эти два события совершенно независимы друг от друга. Если суммировать, то в пользу высказанного предположения есть следующие доводы:

1. Возможный сдвиг нижней хронологической границы написания «Поминок», делающий во временном отношении весьма вероятным максимальное приближение момента создания этого стихотворения вплотную к моменту окончания и публикации «Одиссеей» Жуковского (1849);
2. Сюжетные, тематические, образные переключки «Одиссеей» и «Das Siegesfest»;
3. Факт перевода Жуковским «Das Siegesfest» двадцатью годами ранее;
4. Биографические свидетельства о знакомстве Тютчева с переводом Жуковского ещё в процессе работы;
5. Восприятие современниками перевода «Одиссеей» как эстетического противоядия волне революционных настроений, прокатившихся по Европе при известной «погружённости» Тютчева в осмысление актуальных европейских событий 1848 – 1849 гг.

Мы утверждаем, что стихотворение «Поминок» Тютчева явилось, помимо прочего, откликом на ранний перевод Жуковского «Торжество победителей» и на перевод «Одиссеей» Жуковским, а через него на современные волнения в Европе.

Возможно также, что «Поминки» – это своего рода поэтическое состязание с Жуковским, в ходе которого Тютчев формулирует свою творческую идентичность, тем более контрастно выделяющуюся на фоне одного и того же текста-источника и общности политических взглядов (выраженный консерватизм), сыгравших роль своего рода идейного субстрата при создании переводов. Та же ситуация наблюдается в эпизоде с упоминавшимся выше исправлением Тютчевым двух строк «Русского великана» Жуковского и «дописыванием» собственного стихотворения «по мотивам» «Море и утёс». Несмотря на сходность идеологических констант, нашедших воплощение в обоих текстах, Тютчев остаётся не вполне удовлетворён поэтической техникой Жуковского, а Жуковский возмущён внесёнными исправлениями.

Это не слишком удивительно. При всех не раз отмечавшихся схожих чертах поэтических систем Тютчева и Жуковского [9] были замечены также и попытки Тютчева покинуть «стилистическую зону» Жуковского. Так, перерабатывая перевод стихотворения «Одиночество» Ламартина, Тютчев «движется не столько в сторону большей стилистической и грамматической точности, сколько в сторону избавления от слишком явных следов поэтической системы Жуковского» [14].

Также и перевод «Das Siegesfest», по всей видимости, был выполнен Тютчевым не только в знак идейной солидарности с переводчиком «Одиссеи» (что не подлежит сомнению), но и как попытка корректировки стилистического курса относительно манеры Жуковского, попытка подчеркнуть самостоятельность плана поэтического выражения. Надо сказать, что сама потребность в создании нового текста вряд ли могла бы возникнуть в «ситуации покоя», то есть полной удовлетворённости Тютчевым переводческой практикой Жуковского. Наоборот, поле напряжения, обуславливающее творческий порыв, появилось за счёт разницы поэтических потенциалов.

Можно сделать предположение, почему Тютчев обращается именно к переводу Шиллера и почему именно Шиллер становится для Тютчева в 1850-е годы самым «переводимым» автором. На наш взгляд, такой выбор объекта перевода мог быть своеобразным «поэтическим демаршем», связанным с ситуацией, вызванной страхом государственных деятелей перед всё теми же революционными событиями 1848–1849 годов. «Во второй половине 1840-х годов, в связи с революционным движением в Европе, ужесточается российская театральная цензура. Наложён запрет на все постановки «Разбойников». С 1848 года Шиллера вообще снимают с репертуара» [4, с. 11]. Эти запреты были упразднены только в эпоху реформ Александра II. Назначенный 1 февраля 1848 года старшим цензором при Особой канцелярии Министерства иностранных дел [11, с. 71], Тютчев, разумеется, был в курсе предпринимаемых ограничительных шагов. Нет сомнений, что подобная политика могла вызвать у него только раздражение, так как даже в качестве цензора в отношении лите-

ратуры консервативный Тютчев позволял себе весьма либеральные взгляды. В «Письме о цензуре в России» он пишет: «Le sens droit et la nature bienveillante de l'Empereur régnant ont compris qu'il y avait lieu à se relâcher de la rigueur excessive du système précédent et à rendre aux intelligences l'air qui leur manquait... Eh bien (je le dis avec une entière conviction), pour qui a suivi depuis lors dans son ensemble le travail des esprits, tel qu'il s'est produit dans le mouvement littéraire du pays, il est impossible de ne pas se féliciter des heureux effets de ce changement de système <...> du jour où la liberté de la parole lui <littérature> a été rendue dans une certaine mesure elle c'est constamment appliquée à exprimer de son mieux et le plus fidèlement possible la pensée même du pays» [16, с. 97].

Вероятнее всего, интенции Тютчева как переводчика сводились к демонстрации «безобидности» Шиллера для русского читателя и акцентуация внимания не на мнимом «революционном» содержании его творчества, а на трактовке общечеловеческих тем.

Таким образом, перевод «Das Siegesfest» — это недостающее звено в цепи, связывающей перевод В. А. Жуковским «Одиссеи», возбуждение интереса Тютчева к античной эпохе, воплотившейся в серии написанных приблизительно в одно время «античных» стихотворений, и внелитературный исторический контекст, обусловивший появление этих стихотворений и трактовку в них античной темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. 1+ V + XII + 548 с.
2. *Виницкий И.* Теодиссея Жуковского: гомеровский эпос и революция 1848–1849 годов // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С. 171–193.
3. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. М.: Правда, 1984. 500 с.
4. *Данилевский Р. Ю.* Русский образ Фридриха Шиллера. К двухсотлетию со дня смерти поэта // Русская литература. 2005. № 4. С. 3–20.
5. *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII в. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
6. *Канунова Ф. З.* «К русскому великану» Жуковского и «Море и утёс» Тютчева (об общественной и историко-культурной концепции поэтов) // Время и текст: историко-литературный сборник. СПб., 2002. С. 220–228.
7. *Кожин В. В.* Пророк в своём отечестве Федор Тютчев. М.: ЭКСМО, 2002. 512 с.
8. *Комментарии* // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма. В 6 т. Т. 2. Стихотворения, 1850–1873. М.: Классика, 2003. С. 333–624.
9. *Лейбов Р. Г.* Тютчев и Жуковский. Поэзия утраты // Тютчевский сборник. II. Тарту, 1999. С. 31–47.
10. *Лейбов Р. Г.* «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000. 143 с.
11. *Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева.* Кн. 2: 1844–1860. М.: Мураново, 2003. 408 с.
12. *Лотман М. Ю.* Русская философская лирика. Творчество Тютчева [неавторизованный конспект лекций] // Тютчевский сборник. Тарту, 1999. С. 272–317.

13. *Пигарев К. В.* Примечания: [Тютчев. Лирика. Т. 2] // Тютчев Ф. И. Лирика. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1966. С. 325–435.
14. *Проскурин О.* Две модели литературной эволюции: Ю. Н. Тынянов и В. Э. Вацуро // Новое литературное обозрение. 2000. № 42. С. 63–77. URL: <http://philologos.narod.ru/tytchanov/proskurin.htm>
15. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и письма. В 6 т. Т. 4. Письма 1820–1849. М.: Классика, 2004. 624 с.
16. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и письма. В 6 т. Т. 3. Публицистические произведения. М.: Классика, 2003. 528 с.

* * *

Orekhov Boris V.**«DAS SIEGESFEST»: TIUTCHEV, ZHUKOVSKIY AND SCHILLER IN THE CONTEXT OF POLITICAL LIFE OF EUROPE OF THE LATE 1840-s**

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

The article deals with the literary-historical reconstruction of the context of translation «The Funeral» («Das Siegesfest» by Schiller). This text was written around 1850. At this time, Tyutchev translates much less than before, but Schiller has become the most «translatable» author for Tyutchev. The commentary tradition elevates the poem to Schiller's «Iliad», but this is inaccurate: in this poem there are a lot more parallels with «Odyssey». Tyutchev's «Das Siegesfest» was inspired by the complete publishing of «the Odyssey» (1849). This work by V. A. Zhukovsky had to remind Tyutchev about the «Triumph of winners» — the translation of «Das Siegesfest», made by V. A. Zhukovsky twenty years earlier. It is known that Tyutchev got acquainted with the text of «the Odyssey» by V. A. Zhukovsky before the publication. Based on biographical data and chronologically correlated facts, the article is linked with the return of Tyutchev to poetic activities with his impression of «Odyssey» by Zhukovsky. The poem «The Funeral» by Tyutchev was a response to the early translation «The Triumph of the winners» by Zhukovsky and the translation of the «Odyssey» by Zhukovsky. Special attention to Schiller could be a «poetic criticism» associated with the prohibition of Schiller's play in Russia in late 1840-s and early 1850-s.

Keywords: Tyutchev, Zhukovsky, poetic translation, Schiller, censorship.

REFERENCES

1. Veselovsky A. N. *V. A. Zhukovskij. Pojezija chuvstva i «serdechnogo voobrazhenija»* (V. A. Zhukovsky. Poetry of feelings and «heart of imagination»). SPb., 1904.
2. Vinitzky I *Theodyssey Zhukovsky: the Homeric epics and the revolution of 1848-1849* [Teodisseja Zhukovskogo: gomerovskij jepos i revoljucija 1848-1849 godov] *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2003, No. 60, pp. 171–193.
3. Gogol V. *Sobranie sochinenij v vos'mi tomah* (Collected works in eight volumes), Moscow, 1984. Vol. 7.
4. Danilevsky R. Y. Russian the image of Friedrich Schiller. To the bicentenary of the poet's death [Russkij obraz Fridriha Shillera. K dvuhstletiju so dnja smerti pojeta] *Russian literature*, 2005, no. 4, pp. 3–20.
5. Zhivov V. M. *Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII v.* (Language and culture in Russia XVIII cent). Moscow, 1996.
6. Kanunova F. Z. «The Russian giant» by Zhukovsky and «The Sea and the rock» by Tyutchev (about the social and cultural history of the poets' concept) [«K russkomu velikanu» Zhukovskogo i «More i utes» Tjutcheva (ob obshhestvennoj i istoriko-kul'turnoj koncepcii pojetov)] *Time and text. Historical and literary collection*. SPb., 2002, pp. 220–228.

7. Kozhinov V. V. *Prorok v svoem otechestve Fedor Tjutchev* (The Prophet in his own country Fyodor Tyutchev), Moscow, 2002.
8. Comments [Kommentarii] *Tiutchev F. I. the Complete works and pisma*: In 6 vol., vol. 2. Poems, 1850–1873, Moscow, 2003. pp. 333–624.
9. Leibov R. G. Zhukovsky and Tyutchev. Poetry of loss [Tjutchev i Zhukovskij. Pojezija utraty] *Tiutchevski sbornik*. II. Tartu, 1999, pp. 31–47.
10. Leibov R. G. «Liricheskij fragment» *Tjutcheva: zhanr i kontekst* («Lyrical fragment» by Tyutchev: genre and context), Tartu, 2000.
11. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. I. Tjutcheva. Kniga 2: 1844–1860* (The chronicle of life and creativity of F. I. Tyutchev. Book 2: 1844–1860). Moscow, Muranovo, 2003.
12. Lotman Y. M. Russian philosophical lyrics. The creativity of Tiutchev [unauthorized lecture notes] [Russkaja filosofskaja lirika. Tvorchestvo Tjutcheva [neavtorizovannyj konspekt lekcij] *Tiutchevski sbornik*. Tartu, 1999. pp. 272–317.
13. K. V. Pigarev Notes: [Tyutchev. Lyrics. Vol. 2] [Primechanija] *Tiutchev F. I. Lyrics: In 2 vol. M., 1966. Vol. 2. 1966. pp. 325-435.*
14. Proskurin O. Two models of literary evolution: Yury N. Tynjanov and V. E. Vatsuro [Dve modeli literaturnoj jevoljucii: Ju. N. Tynjanov i V. Je. Vacuro] *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2000, No. 42, pp. 63-77.
15. Tiutchev F. I. *Polnoe sobranie sochinenij i pis'ma* (Complete works and letters) In 6 vol. M., 2004. Vol. 4.
16. Tiutchev F. I. *Polnoe sobranie sochinenij i pis'ma* (Complete works and letters) In 6 vol. M., 2003. Vol. 3.

* * *